

8. *Stone N.* The Eastern Front, 1914–1917. London, 1975. 63 p.
9. *Hoffmann M.* War Diaries and Other Papers. London, 1929. Vol.1. P. 62.
10. *Николаи В.* Тайные силы. Интернациональный шпионаж и борьба с ним во время Первой мировой войны и в настоящее время (сборник). Киев: Княгиня Ольга, 2005. 676 с.
11. *Ростунов И.И.* Генерал Брусилов. М.: Воениздат, 1964.
12. *Зерницька О.* Вплив комунікацій на реконфігурацію системи міжнародних відносин напередодні, під час та після Першої світової війни // Перша світова війна: історичні долі держав і народів: зб. наук. праць Інститута всесвітньої історії НАН України. Київ, 2015. С. 261–271.
13. *Tuchman B.* The Zimmerman Telegram. New York: Macmillan, 1958.
14. *Debruyne E.* Espionage. URL: <https://rha.revues.org/6953>

О.А. Яновский (Беларусь, Минск)

БЕЛОРУССКИЕ ИСТОРИКИ В УСЛОВИЯХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

До 1917 г. на белорусской земле в условиях имперской России априори не могла сформироваться собственная историческая школа, хотя здесь родились многие выдающиеся историки, которые сегодня в большей степени представляют российские антиковедение, медиевистику, востоковедение и другие направления научных исследований, но не собственно белорусистику. Однако именно за счет «интеллектуальной подпитки» со стороны историков, сформировавшихся как незаурядные ученые в Москве, Петербурге, Казани и других научно-образовательных центрах дореволюционной России, во многом в Советской Беларуси стали развиваться различные направления научного осмысления прошлого, а в высшей школе, которую более всего олицетворял первый белорусский университет (БГУ), развернулась подготовка специалистов по всеобщей истории (русистике, славистике, германистике и др.).

В данном контексте можно назвать фамилии первого ректора Белорусского государственного университета, слависта В.И. Пичеты и его коллег – антиковеда Д.П. Кончаловского, специалиста по истории России XIX века Д.А. Жаринова, правоведа-международника и историка международных отношений Н.Н. Кравченко, библиста Н.М. Никольского, германиста В.Н. Перцева и др.

При изучении их научного творчества, некоторых обстоятельств биографий очевиден факт значительного влияния, которое оказали события и годы Первой мировой войны. Это влияние в одних случаях было непосредственным, когда историк оказывался в действующей армии и тем самым военный опыт, очевидно, сказывался на его научных принципах и интересах, более того – существенно корректировал мировоззрение. Но все же влияние было в значительной степени опосредованным: в силу необхо-

димости – «под знаком войны» – переосмысления своих прежних научных интересов, подходов, планов и т. д. Данная тема дает основание для весьма глубокого проникновения в «научную кухню» ученых, занимавшихся достаточно разными проблемами. Однако в рамках предварительного обозначения проблемы ограничимся некоторыми более внешними обстоятельствами, на основании которых возможно определить степень влияния военных событий на научное творчество историков, их как бы «включенность» в Великую войну. Для этого возможно обратиться к малоизвестным документам, которые сохранились в Национальном архиве Республики Беларусь, к публикациям белорусской прессы 1920–1930-х гг., к отдельным работам ученых и к некоторым фактам их педагогической и общественной деятельности.

Прежде всего обратим внимание на то, что для проведения глубоких научных исследований по тем или иным проблемам только что завершившейся войны для историков требовалось определенно длительное выжидание, спокойное осмысление событий, очевидцами которых они в той или иной мере были сами. Но война никак не могла быть обойдена в лекционных курсах, которые надо было предлагать первым белорусским студентам. Ведь среди них немало было непосредственных ее участников, а большинство пережило четыре года военного лихолетья, которое в Беларуси в особенности сказалось на гражданском населении. И они ожидали научного осмысления и даже простого рассказа о событиях Первой мировой войны как раз от историков, а тем более «именитых». Поэтому первым университетским историкам, как никому из коллег, представлявших весь спектр специальностей молодого белорусского университета, необходимо было учитывать этот фактор при подготовке и чтении своих лекций в рамках весьма сумбурного на первых порах учебного процесса. Хотя следует отметить, что преимущественно выстраивание учебных курсов все же осуществлялось в некоей традиционной парадигме, когда на лекциях, «семинариях» и даже «просеминариях» историки обязаны были представлять студентам «классические» сюжеты российской и европейской истории. Специализации же еще почти отсутствовали.

К оценке причин, хода и последствий войны даже по прошествии нескольких лет после подписания Версальского мира подойти было достаточно сложно. Ведь нужно было оценивать роль царской России в развязывании мировой бойни, позиции различных политических сил (прежде всего большевиков) по вопросу войны и мира, международную расстановку сил во время и после окончания войны и другие обстоятельства. Важнее всего же – правильно объяснить правомерность и логику современных, уже советско-германских отношений. Они же в 1920-е гг. развивались под знаком противоречий, которые неуклонно углублялись между Германией и СССР, с одной стороны, и странами-победительницами – с другой. Теперь

прежние две великие империи, как бы утратившие в ходе завершившейся войны свои амбиции, собирались сообща противостоять намерениям чуть ли не всего мира и удушить уже советскую Россию, и еще более унижить и не дать возродиться побежденной Германии. Поэтому для рассказа о Первой мировой на учебных занятиях для настоящих ученых-историков, правоведов и даже филологов не существовало вариативности в подходах. А поэтому она в тогдашней политической заангажированности могла быть обозначена лишь в немногих учебных курсах.

Нельзя не обозначить и проблему скудости научных книжных фондов, которые приходилось буквально «по крохам» собирать Правлению БГУ, опираясь на заинтересованность и административно-финансовые возможности руководства республики. Например, в 1922/23 учебном году университетская библиотека пополнилась 1544 номерами немецких журналов, а по постановлению ЦИК СССР БГУ передали 9 тысяч томов книг, вывезенных во время войны из местечка Мир в Москву [1].

Наиболее благоприятным в данном случае был новый для формирующейся советской высшей школы курс истории «колониальных и зависимых стран». Но нашлось место о Первой мировой войне и в курсе собственно российской истории, которая более всего преподавалась с точки зрения восприятия всей глубины исторического прошлого как предтечи революций и революционных преобразований. Так, в рамках истории России XIX века один из первых профессоров БГУ Дмитрий Алексеевич Жаринов обращал внимание белорусских студентов на логику и алогичность событий 1914–1918 гг. В научном же плане он сам, можно сказать, вынужденно, увлекся данной проблемой и в 1923/24 учебном году на заседании исторической секции Научного общества при БГУ прочитал доклад «Февральская революция в освещении германского военного командования». Даже медиевист и германист Владимир Николаевич Перцев уже с первых лет своей работы в Белорусском университете стал демонстрировать умение откликаться как ученый на «злободневные» темы. Так, в № 4–5 научного сборника университета «Труды БГУ» он опубликовал статью «К вопросу об общинной собственности у древних германцев», в очередной раз обратившись к любимому предмету своих исследований [2]. Однако эту статью есть основания расценивать как некий отголосок современной востребованности германской истории. Об этом «крене» в интересах и оценках историка можно судить хотя бы по тому, что одновременно он в том же Научном обществе выступил с публичной лекцией уже о новейшей германской истории – «Экономическое состояние Германии после Версальского мира» [3]. И если в научной публикации можно усмотреть факт некой научной ретроспекции, которая будет явно доминировать в научных публикациях будущего белорусского академика в преддверии и в годы Второй мировой войны, то публичная лекция была для того времени и внешнеполитических интересов СССР, которые во многих случаях могли

реализовываться через территорию ССРБ, архиактуальной. Историк-германист был востребован политическими и экономическими интересами молодой страны Советов и униженной поражением в Великой войне Германии.

Об этом же свидетельствует и смысл доклада ректора **Владимира Ивановича Пичеты**, который он прочитал в сентябре 1923 г. на заседании педагогической секции Научного общества при БГУ. Выступление стало возможным вследствие полуторамесячной командировки ученого в Германию, работы в библиотеках и архивах Берлина и Дрездена. Исследовательский поиск был максимально продуктивен: историк «прежней выучки» свободно, как он всегда писал в многочисленных советских анкетах, кроме родного языка, мог «читать и писать на польском, английском, французском, немецком, итальянском, сербском, чешском и болгарском языках» [4]. Тема лекции весьма специфична для него – «Современная прусская школа». Но текущий момент востребовал обращение историка-слависта и уже глубокого белорусиста к подобному сюжету. Важно, что в своем докладе он акцентировал внимание на эволюции прусской высшей школы, протекавшей именно в связи с только что завершившейся войной. И историк провел параллель между прусскими и российскими реалиями и процессами, что разворачивались в условиях и войны, и революций, так мощно затронувших обе страны. Интересен его вывод: мол, и немецкая школа, и немецкая политика (*О.Я.* – !) «катятся по дороге, уже пройденной Советской Россией» [5].

В подкрепление как бы преимущественно педагогических рассуждений Владимир Иванович вскоре прочитал лекцию, более политически заостренную, – «Германия накануне революции». Свое выступление он завершил в духе советского агитпропа и его тогдашнего идеолога Троцкого: «Германия перед революцией. Мы будем свидетелями всемирной революции. Близок тот час, когда идеи Соединенных Штатов, Советской России, Германии и других государств станут реальным фактом человечества» [6]. Подобная актуализация проблемы «война и революция» вновь была рассмотрена Пичетой в публикации 1924 г. «Класавыя супярэчнасці ў Беларусі напярэдадні рэвалюцыі». Этот очерк чуть ли не в 20 страниц был опубликован в белорусскоязычном сборнике с весьма претенциозным названием – «Беларусь. Нарысы гісторыі, эканомікі, культурнага і рэвалюцыйнага руху». Вскоре славист в этом же контексте рассмотрел вопрос развития «форм национального и оппозиционного движения» в Беларуси опять же с учетом событий 1914–1918 гг.

Ректор БГУ в 1920-е гг. не раз высказывал сожаление, что годы войны и настоящая «оторванность Германии от европейских культурных центров» привели к оскудению библиотечных немецких фондов, в особенности затруднилось поступление книг в Берлинскую государственную биб-

лиотеку из-за границы. Поэтому во время его «немецких командировок» ознакомиться с новейшей литературой (хотя бы по славянской тематике) не всегда было возможным [7].

В случае с Пичетой можно сослаться и на его дореволюционное научное наследие. Тогда еще молодой историк, круг научных интересов которого изначально был достаточно широк, не раз пытался разобраться в причинно-следственных обстоятельствах, приведших мир к расколу. Делал он это посредством преимущественно оценок «балканской проблемы» и роли России в ее разрешении через рецензирование соответствующих теме книг и статей. Так, в серии популярных брошюр «Мир и война. Библиотека общедоступных очерков, посвященных войне 1914 года» Пичета опубликовал свою работу под характерным названием «Драма болгарского народа: Борьба за национальное объединение Болгарии» (М.: Общее дело, 1915), а в «Экскурсионном вестнике» (1915. Кн. 4) – очерк «Исторические судьбы Сербии». В следующем, 1916 г. в двух номерах (№ 3, с. 276–278; № 10, с. 207–208) журнала «Голос Минувшаго» им «под углом зрения происходящих военных событий» были проанализированы несколько исторических работ, недавно опубликованных, в которых излагались разные подходы на первопричины Великой войны. Сам Пичета попытался быть объективным в оценках, как бы осваивая новую для себя специализацию в качестве историка-политолога.

Еще более основательно опирался на свои работы периода, предшествовавшего преподаванию в БГУ, уроженец Беларуси **Николай Николаевич Кравченко**. Как специалист-международник с европейским научным именем он сформировался в России и отшлифовал свою квалификацию в университетах Берлина, Парижа, Берна, Базеля. В Минске, в БГУ он как раз и был востребован в силу своей уникальной квалификации, когда его глубокие знания трудового европейского права были скорректированы в годы всеобщего бесправия, которое сопровождало Первую мировую войну. Об этом опосредованно он одним из первых писал в статьях, опубликованных в предвоенные и военные годы в европейских журналах. Сегодня эти работы, ранее недоступные для белорусских исследователей, стало возможным подвергнуть анализу с различных позиций, в том числе и позиции оценок специалистом-международником и современником первой мировой схватки держав за узко национальные и коалиционные интересы и ее воздействия на права трудящихся¹.

¹Некоторые работы Н.Н. Кравченко, опубликованные в европейских журналах: “Robert Owen a-t-il eu véritablement l'idée d'un droit international ouvrier?” (Revue de droit international privé et de droit pénal international. Tome sixième. Paris, 1910); “Quelques mots sur l'importance des théories politiques” (Revue de droit public et de la science politique. Tome vingt-septième. Paris, Avril-Mai-Juin, 1910); “Daniel Legrands Briefe uber die internat. Regulierung einiger Seiten der Arbeiterfrage” (Schweizerische Blätter für Wirtschafts- und Sozialpolitik. Bern, 1910); “Un précurseur du Droit International ouvrier” (Revue générale de droit international Public. Tome XVII. Paris, 1910); “J.-A.

В БГУ Николай Николаевич в декабре 1923 г. свою педагогическую деятельность начал с чтения курса «Международное право» и стал, по сути, первым белорусским ученым-международником. Среди прочих другие его курсы затрагивали и даже опирались на проблематику, обусловленную различными обстоятельствами Первой мировой, так как органично включали историю дипломатических отношений. Академическая преподавательская деятельность профессора Кравченко выражалась в чтении курсов по «эволюции дипломатических отношений держав», «истории международных взаимоотношений в связи с мировой империалистической войной 1914–18 гг.». Анализировалась им проблема недавней войны и ее последствия в публичных научно-популярных лекциях, которые он читал перед жаждущими «правды» белорусами: «О Версальской системе и Лиге наций», «О международном положении Германии в связи с событиями 1923 г.», «О консульском представительстве СССР за границей в 1923–1924 гг.» и др. [8].

Подобная компетенция Николая Николаевича основывалась на его научной специализации, которая уже в годы войны определяла для него исследовательскую парадигму. В списке его научных работ, опубликованных в российских журналах и сборниках в военные годы, – ряд глубоких исследований конкретных проблем Великой войны: «Институт военнопленных в понимании германского Генерального штаба» (1915), «Официальная германская доктрина о военнопленных» (1916), «О германском толковании принципа гуманности на войне» (1916), «Общая теория войны в построении германского Генерального штаба (1916), «Налеты немецких цеппелинов и международное право» (1916). В «минский период» своей деятельности ученый задумал написать книгу об «исторических основах и причинах империалистической войны 1914 г.». Издательская активность сопровождалась чтением научных и научно-популярных докладов (до БГУ он работал в университетах Томска и Казани, читал свои лекции в Саратове) типа «Мировая империалистическая война и международное право» (1914), «Проф. В.К. Соколов как историк культур-кампа в Германию (1921) и др. Поэтому в рекомендательном письме с оценкой научных интересов Н.Н. Кравченко старший его коллега профессор В.Э. Грабарь (крупный русский и советский специалист по вопросам истории международного права, резко критиковавший немецкий «национализм» в международ-

Blanqui – der erste Verkünder der Idee des internationalen Arbeiterschutzes" (Jahrbucher für Nationalökonomie und Statistic, Jena, 1910); "Jurisprudence. Russie" (Revue de droit international privé et de droit pénal international. Paris, 1911); "Daniel Legrand et son oeuvre. Etude sur l'histoire de droit international ouvrier" (Revue de droit international, 1914); "Une tentative française pour l'établissement d'un droit international ouvrier" (Revue générale de Droit International Public. Tome XXIII. Paris, 1916).

ном праве) подчеркнул, что тот является специалистом и в вопросах, «связанных с мировой империалистической войной 1914 г.» [9].

Несколько своеобразны в контексте темы творческий путь и научное кредо **Дмитрия Петровича Кончаловского**. Можно говорить о том, что на них несомненное воздействие оказала война. Этот специалист по античной истории для БГУ – одна из самых знаковых фигур. Именно с его лекции по истории культуры народов Средиземноморья в эпоху Римской империи, прочитанной профессором 31 октября 1921 г. первым студентам факультета общественных наук, и начался регулярный учебный процесс в белорусской советской высшей школе. Он же чуть ли не первым из коллег провел исторические ретроспекции в публичной лекции, прочитанной 27 ноября 1921 г. в актовом зале БГУ в помощь голодающим. Тему лекции историк избрал актуальную и для античных времен, и для текущих: «Борьба за мировую гегемонию» [10].

Своеобразие заключалось, во-первых, в том, что выпускник Императорского Московского университета и прапорщик запаса полевой артиллерии добровольцем с началом Первой мировой войны в августе 1914 г. был призван в 8-ю Сибирскую стрелковую бригаду. В последующем воевал в составе различных артиллерийских дивизионов и бригад, дослужившись в августе–октябре 1917 г. до должности помощника старшего адъютанта Политического отдела при Штабе Московского военного округа. Сегодня об этой строке биографии опального в советские годы историка стало возможным узнать из материалов, появившихся в Российском государственном военно-историческом архиве [11]. А во-вторых, и прежде всего, – в силу абсолютного неприятия им «новой России». Об этом хотя бы свидетельствуют его мемуарно-публицистические работы, опубликованные в Париже уже после окончания Второй мировой войны и смерти самого автора. К слову, они также не так давно стали доступными для изучения, «выйдя из спецхранов». На протяжении своей жизни Д.П. Кончаловский делал записи, выражая резкую антипатию по отношению к большевизму и советской власти. В годы новой (Второй) мировой войны и на склоне лет он, оказавшись во Франции, открыто писал политические статьи, призывая европейские страны объединиться против советской угрозы. Итогом размышлений убежденного антикоммуниста стали две книги, а также сборник о нем («Пути России», «От гуманизма к Христу», «Духовный мир Д. П. Кончаловского»).

Например, в книге «Пути России» историк, акцентируя внимание читателя на угрозе, исходящей для мирового сообщества от большевизма, делает пространные ретроспекции в недавнее прошлое и России, и всей Европы. В этой связи характерны даже названия отдельных глав и параграфов данной работы: «Россия и Европа», «Состояние русского общества перед войной 1914 г.», «Интеллигенция дореволюционная», «Россия, как государственное «тело», держалось «царизмом», «Русская революция как

результат международного фактора» и др. [12]. Если же попытаться определить оценку ученым причин и последствий Великой войны, то, полагаем, она сконцентрирована в следующем: «Чтобы понять, что эта катастрофа все же могла произойти, что при известных условиях она была даже неизбежна, мы должны принять во внимание два момента: во-первых, уже указанное нами своеобразное действие передовых европейских идей на психику русской интеллигенции и, во-вторых, характер русской внешней политики...» [12, с. 59].

Совершенно конкретно, повествовательно, на основе собственного военного опыта и теоретического осмысления войны Д.П. Кончаловский пишет о ней во второй книге. Этапы своей биографии автор выстраивает именно в связи с годами войны и обусловленным ею российским революционным 1917 годом: «Период жизни до 1914 года», «На фронте», «Семнадцатый год», «После переворота» [13]. Здесь для белорусского исследователя особый интерес представляют эпизоды из военной биографии историка, связанные с его пребыванием в действующей армии на территории Беларуси: «Февральская революция 1917 года, послужившая прологом к большевистскому перевороту в октябре, застала меня на фронте в окрестностях Минска...» [13, с. 63]. Но более всего важны оценки состояния российского общества, патриотического и непатриотического состояния духа у отдельных его категорий. Так, Кончаловский по-разному оценивает отношение к войне у интеллигенции, когда одни уходили добровольцами на фронт и как бы «ни за что» погибали, тогда как другие (даже его однокашник и друг Н.М. Никольский) были резко против подобного «безрассудства», считая патриотизм глупостью, а себя «избранными» [13, с. 67]. Различает он боевой дух своих однополчан-артиллеристов и бездарность «пехотного офицерства», от которого «развалилась армия, развалился фронт». Как и тех, кто «окопался в тылу» (типа «пустого фразера Луначарского» и производившего на историка «отталкивающее впечатление» Ленина) [13, с. 64–65, с. 70].

Подводя итог представления обозначенной темы, можно утверждать, что тема завершившейся Великой войны была востребована в педагогической, научной и популяризаторской деятельности чуть ли не всех историков первого белорусского университета, создание которого стало возможным в силу глобальных общественно-политических пертурбаций, обусловленных войной и революциями. Им приходилось приспособливаться к новым обстоятельствам жизни и творчества, оценивать недалекое прошлое с учетом решения «задач мировой революции», внешнеполитических приоритетов советской страны, укрепления позиций новой власти. Однако в первую очередь, они исходили из принципа научности, своей компетентности, хотя и были вынуждены расширять диапазон приложения ранее сложившихся творческих интересов. Поэтому к проблематике Первой мировой войны историки подходили с полной научной ответственностью, на-

ходя в ней возможности для ретроспекций и объяснения закономерности текущих процессов.

Библиографические ссылки

1. *Каценбогин С.З.* Белорусский Государственный Университет за 1922–1923 академический год (Итоги и перспективы) // *Працы Беларускага дзяржаўнага унівэрсытэту.* 1923. № 4–5. С. 272.
2. *Працы Беларускага дзяржаўнага унівэрсытэту.* 1923. № 4–5. С. 76–82.
3. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 205. Оп. 1. Д. 87. Л. 9.
4. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 205. Оп. 3. Д. 6335. Л. 3.
5. Заседание педагогической секции научного общества при БГУ // *Савецкая Беларусь.* 1923. 28 верасня.
6. *Савецкая Беларусь.* 1923. 4 кастрычніка.
7. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 205. Оп. 3. Д. 6335. Л. 4.
8. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 205. Оп. 3. Д. 4115. Л. 9, 22 об., 23.
9. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 205. Оп. 3. Д. 4115. Л. 2 об.
10. *Працы Беларускага дзяржаўнага унівэрсытэту.* 1923. № 1. С. 216.
11. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 900. Оп. 1–2. 213 ед. хр., 1900–2001 гг.
12. *Кончаловский Д.П.* Пути России. Париж, 1969. С. 43–173.
13. *Кончаловский Д.П.* От гуманизма к Христу. Париж, 1971. С. 9–154.